

Между записями в дневнике Леонардо находится одна, привлекающая внимание читателя важностью содержания и небольшой ошибкой в построении фразы.

Он пишет в июле 1504 года: „9 июля 1504 года в среду в семь часов утра умер синьор Пьеро да Винчи, нотариус во дворце Подеста; мой отец, в 7 часов. Ему было 80 лет; оставил 10 детей мужского пола и 2 женского".

Итак, в заметке говорится о смерти отца Леонардо. Небольшая ошибка заключается в том, что определение времени „в 7 часов" повторено два раза, как будто Леонардо позабыл только что написанное. Это только мелочь, над которой не психоаналитик и не задумался бы. Ее легко не заметить вовсе, а если на нее укажут, можно ответить: это обычная рассеянность, вызванная аффектом, это бывает со всяким и не имеет никакого значения.

Психоаналитик думает иначе; для него важно все, в чем могут проявиться глубинные душевные процессы: он давно убедился, что подобная забывчивость или описка полны значения и что „рассеянность" помогает разгадать скрытые мотивы поведения.

Мы можем сказать, что и эта запись, как счет на погребальные расходы и содержание учеников, представляет тот случай, когда Леонардо не удалось подавить свой аффект и долго скрываемое проявилось в искаженном виде. Даже и форма похожа: та же педантичная точность, то же подчеркнутое внимание к цифрам.

Мы называем это повторение персеверацией. Это отличное вспомогательное средство, чтобы распознать аффективную окраску. Вспомним, например, негодующую речь Святого Петра против своего недостойного наместника на земле из Дантовского „Рая": „Те, кто узурпировали мое опустевшее место на Земле, скрывают присутствие Сына Божьего"

(Данте, „Рай", гл. XXVII, строфа 46) (подстрочный перевод) „Мы не хотели, чтобы христиан Преемник наш пристрастною рукою Делил на правый и на левый стан" (пер. М. Лозинского)

Если бы Леонардо не подавлял свой аффект, это место в дневнике могло бы выглядеть примерно так: Сегодня в 7 часов умер мой отец, синьор Пьеро да Винчи, мой бедный отец. Но неестественное равнодушие, отсутствие хотя бы малейшего пафоса и ненужные повторения часа смерти позволяют нам догадаться, что здесь таилось нечто, подлежащее подавлению и вытеснению. Синьор Пьеро да Винчи, нотариус и потомок нотариусов, был очень энергичным человеком, благодаря чему завоевал всеобщее уважение и приобрел состояние. Он был женат четыре раза; две его первые жены умерли бездетными, только третья подарила ему первого законного сына в 1476 году, когда Леонардо было уже 24 года и он давно сменил отчий дом на мастерскую своего учителя Вероккьо; от четвертой и последней жены, на которой он женился пятидесяти лет, он имел еще девять сыновей и двух дочерей.

Отец, конечно, также имел значение для психосексуального развития Леонардо, и не только в отрицательном смысле (своим отсутствием в первые годы жизни мальчика), но и непосредственно - своим присутствием в последующие годы детства Леонардо.

Тот, кто ребенком чувствует влечение к матери, не может не желать быть на месте отца; он отождествлял себя с ним в фантазии, а позже ставил себе целью его превзойти. Когда Леонардо, не достигнув и пяти лет от роду, был взят в дом деда, молодая мачеха Альбьера, вероятно, заместила в его чувствах мать, и он, естественно, оказался по отношению к отцу в положении соперника. Склонность к гомосексуальности проявляется, как известно, только к возрасту полового созревания. Когда эта пора

наступила для Леонардо, отождествление себя с отцом потеряло всякий смысл для его сексуальной жизни, но осталось в сфере, не связанной с эротикой. Мы знаем, что он любил роскошь и красивые одежды, держал слуг и лошадей, несмотря на то, что, по словам Вазари, почти ничего не имел и мало работал". Причину этого пристрастия мы видим не только в его любви к красоте, но и в навязчивом стремлении копировать отца и превзойти его. Отец был для бедной крестьянской девушки барином, поэтому в сыне осталось стремление играть барина, демонстрировать, что такое истинно богатый и знатный человек.

Кто творит как художник, тот чувствует себя отцом по отношению к своим творениям. Для художественного творчества Леонардо его отождествление себя с отцом имело роковые последствия. Он создавал свои творения и больше о них не заботился, как его отец не заботился о нем. Позднейшие попечения о нем отца ничего не могли заменить в этом навязчивом стремлении, потому что оно исходило из впечатлений первых детских лет, а вытесненное и оставшееся в подсознании не поддается „исправлению" позднейшими переживаниями.

Во времена Возрождения, как и много позже, каждый художник нуждался в высокопоставленном хозяине и покровителе, в меценате, который давал ему заказы, в руках которого находилась его судьба. Леонардо нашел своего патрона в лице честолюбивого, любящего роскошь Людовико Сфорца, по прозвищу Моро — ловкого политика, но человека непостоянного и легкомысленного. При его дворе в Милане художник провел самый счастливый период своей жизни; здесь достиг он вершин творчества, доказательством чему служат „Тайная Вечеря" и конная статуя Франческо Сфорца. Он покинул Милан раньше, чем разразилась катастрофа над Людовико Моро, который умер во французской тюрьме. Когда это известие дошло до Леонардо, он написал в своем дневнике: „Герцог потерял свою землю, свое имущество, свою свободу, и ни одно дело, предпринятое им, не было доведено до конца". Удивительно и, конечно, не лишено значения, что Леонардо здесь упрекает своего покровителя как раз в том, за что потомство вправе упрекнуть его самого, словно он хотел сделать ответственным кого-то из разряда „отцов" за то, что он сам оставлял незавершенными свои произведения. Но в действительности Леонардо не был справедлив к герцогу. Если подражание отцу мешало художнику, то неприязнь к отцу (коренящаяся в обстоятельствах детства) способствовала деятельности ученого, - быть может, столь же великого. По прекрасному сравнению Мережковского, он походил на человека, проснувшегося рано утром, когда было ещё темно и все другие еще спали. Он отважился высказать смелый тезис, защищающий всякое свободное исследование: „Кто в борьбе мнений опирается на авторитет, тот работает своей памятью, вместо того чтобы работать умом". Так он сделался первым из естествоиспытателей нового времени; первым после античных философов подошел к тайнам природы, опираясь только на наблюдение и собственный опыт, и множество открытий и предвидений вознаграждали его за мужество. Но если он учил пренебрегать авторитетом и отбросить подражание „старикам" и постоянно указывал на изучение природы как на источник всякой истины, то он только повторял (в высшем из доступных человеку виде сублимирования) убеждение, которое когда-то уже сложилось у мальчика, удивленно смотрящего на мир. Если с языка научной абстракции перевести это изречение обратно на конкретные личные переживания, то „старикам" и „авторитет" соответствуют отцу, а природа — это нежная, добрая, вскормившая его мать.

У большинства людей — и сейчас так же, как в древности, — потребность следовать какому-нибудь авторитету так сильна, что мир им кажется пошатнувшимся, если что-нибудь угрожает этому авторитету. Но Леонардо, один только Леонардо мог обходиться без этой опоры; он не был бы на это способен, если бы в первые годы жизни не научился обходиться без отца. Смелость и оригинальность его позднейших научных опытов предполагает не задержанное отцом инфантильное сексуальное исследование, а отказ от сексуальности дает этому исследовательскому началу дальнейшее развитие. Если бы кто-нибудь, как Леонардо, избежал в своем детстве страха перед отцом и в своей исследовательской деятельности сбросил цепи авторитета, то было бы невероятно ожидать от этого человека, чтобы он остался верующим и не отказался от догматической религии. Психоанализ научил нас видеть тесную связь между отцовским комплексом и верой в Бога; он показал нам, что личный Бог психологически — не что иное, как идеализированный отец, и мы наблюдаем ежедневно, что молодые люди теряют религиозную веру, как только рушится для них авторитет отца. Таким образом, в комплексе страха и благоговения перед родителями мы вскрываем корни религиозной потребности: всемогущий праведный Бог и благодетельная природа представляются нам величественной сублимацией отца и матери, более того, обновлением и восстановлением ранних детских представлений об обоих. Биологически религиозность объясняется долгим периодом беспомощности и потребностью человеческого детеныша в заботе. Когда впоследствии он познает свою истинную беспомощность и бессилие перед могущественными обстоятельствами, он реагирует на них как в детстве и старается скрыть их безотрадность возобновлением инфантильных возобновительных сил.

Кажется, пример Леонардо не опровергает этот взгляд на религиозное верование. Обвинения его в неверии или (что по тому времени было тем же самым) в отпадении от христианской веры, выдвигались против него уже при его жизни и были совершенно определенно отмечены в первой его биографии, написанной Вазари. Во втором издании биографии, вышедшем в 1568 году, Вазари опустил эти примечания. Нам вполне понятно, что Леонардо, зная чрезвычайную чувствительность своей эпохи к религиозным вопросам, остерегался в своих записках прямо выражать свое отношение к христианству. Как исследователь, он нисколько не поддавался внушениям Святого писания о сотворении мира. Он оспаривал, например, возможность всемирного потопа и считал так же уверенно, как и современные ученые, что геологические периоды длились тысячелетиями.

Между его „пророчествами" есть много таких, которые должны были оскорблять ревностного христианина, как например, „О поклонении святым иконам": „У людей будут существа, которые ничему не внемлют, у которых глаза открыты, но ничего не видят; люди будут обращаться к ним, не получая ответа; они будут молить о милостях того, кто имеет уши и не слышит; они будут возжигать свечи тому, кто слеп." Или „О плаче в Страстную пятницу": „По всей Европе многочисленными народами оплакивается смерть одного человека, умершего на Востоке".

Об искусстве Леонардо говорили, что в фигурах его святых исчез последний остаток церковного догматизма, что он сделал их человеческими, чтобы воплотить в них прекрасные и великие гуманные чувства. Муттер восхваляет Леонардо за то, что он преодолел средневековый упадок и вернул человечеству право иметь страсти и радостно пользоваться жизнью. В записках, где Леонардо исследует великие загадки

природы, есть слова восхищения Творцом как конечной причиной всех этих чудес и тайн, но ничто не указывает на желание закрепить свою личную связь с этим могущественным Божеством. Афоризмы, в которые он вложил глубокую мудрость последних лет жизни, дышат смирением человека, подчиняющегося по необходимости законам природы и не ждущего никакой помощи от благого и всемилостивого Бога. Едва ли можно сомневаться, что Леонардо победил как догматическую, так и личную религиозность, и в своих научных занятиях очень отдалился от мирозерцания верующего христианина. Согласно ранее высказанным взглядам на развитие детской души мы можем предположить, что исследовательская деятельность Леонардо в детстве имела первым предметом сексуальность. Но он сам обнаруживает это достаточно ясно, связывая свое стремление к исследованию с фантазией о коршуне. Он представляет свой труд над проблемой птичьего полета как возложенный на него особым предопределением судьбы. Одно очень неясное, звучащее как предсказание место в его записках, трактующих о птичьем полете, лучше всего доказывает, каким страстным было его желание самому научиться летать: „Она предпримет, эта большая птица, свой первый полет с хребта Большого Лебедя, наполнит мир удивлением и все писания похвалами, и вечная слава будет воздаваться гнезду, где она родилась". Вероятно, Леонардо надеялся, что сам когда-нибудь сможет полететь; а мы знаем из снов, содержащих мотивы полета, какое счастье ожидается от исполнения этой мечты.

Почему же многим людям снится, что они умеют летать? Психоанализ отвечает, что полет или превращение в птицу только маскировка другого желания, к разгадке которого ведет не один словесный или вещественный мост. Если любопытным детям рассказывают, что большая птица вроде аиста приносит младенцев; если древние изображали Фаллос крылатым; если в немецком языке слово „Фегельн" (уподобляться птице) — самое употребительное обозначение мужской половой деятельности, а у итальянцев мужской орган называется „лючелло" (птица), — то это только маленькие звенья большой цепи, которые показывают, что умение летать означает во сне не что иное, как желание быть способным к половой деятельности. Это есть раннее инфантильное желание. В воспоминаниях взрослого детство представляется счастливым временем, когда радуются настоящему и, ничего не желая, идут навстречу будущему; поэтому взрослый завидует детям. Но сами дети, если бы они могли об этом рассказать, сообщили бы, вероятно, нечто другое. Очевидно, детство не есть та чудесная идиллия, какой она нам кажется позже, если желание стать взрослым и делать то, что делают взрослые, заставляет ребенка стремиться поскорее избавиться от своего детства. Это желание руководит всеми детскими играми. В том возрасте, когда их любознательность направлена на сексуальное исследование, дети чувствуют, что взрослые знают нечто чрезвычайно важное в этой загадочной и очень интересной области, где им что-то знать и действовать запрещено. Поэтому в них пробуждается непреодолимое желание обладать этим знанием и умением, и это желание находит отражение в сновидениях в виде полета. Таким образом, и наука о воздухоплавании, достигшая, наконец, в наше время своей цели, коренится также в инфантильном эротизме.

Признаваясь в том, что с детства чувствовал особое личное влечение к проблеме полета, Леонардо подтверждает, что его детская любознательность была направлена на сексуальное. Это мы должны предположить на основании наших исследований современных детей. Одна лишь эта проблема избежала того вытеснения, которое позже

сделало Леонардо чуждым сексуальности с детских лет, и до полной интеллектуальной зрелости сохранил он интерес к этой проблеме, только немного меняя ее смысл; и очень вероятно, что желанное искусство в примитивном сексуальном смысле удалось ему так же мало, как и умение летать наяву с помощью механического устройства, и оба они остались для него недостижимыми.

Великий Леонардо в течение всей жизни в чем-то оставался ребенком (говорят, эта черта присуща всем великим). Став взрослым, он продолжал играть, вследствие чего казался иногда своим современникам странным и неприятным. Когда мы узнаем, что он искусно изготавливал механические игрушки для дворцовых празднеств и торжественных приемов, нас огорчает, что художник тратил свои силы на такие пустяки. Сам же он, видимо, занимался этим не без удовольствия. Вазари сообщает, что он делал это и тогда, когда ему никто этого не заказывал. „Там (в Риме) он изготовил тесто из воска и, когда оно было еще жидким, слепил очень тонко из него животных, наполненных воздухом; когда он их надувал, то они летали; когда воздух выходил, падали на землю. Редкой ящерице, найденной садовником Бельведера, он приделал крылья из кожи, снятой с другой ящерицы, и наполнил их ртутью, так что они двигались и дрожали, когда она бегала; потом он ей сделал глаза, бороду и рога, приручил ее, посадил в ящик и приводил ее в ужас своих друзей". Часто эти игрушки служили ему для иллюстрации глубоких идей: „Он давал вычистить бараньи кишки так чисто, что они помещались в горсти; он приносил их в большую комнату, в соседней комнате помещал пару мехов, прикреплял к ним кишки и раздувал их так, что они заполняли всю комнату и всем приходилось убегать в угол; показывая, как они постепенно становились прозрачны и воздушны, как вначале занимали только маленькое местечко, а потом все дальше распространялись, Леонардо сравнивал их с гением". То же удовольствие забавляться невинными иносказаниями и искусной шифровкой выражают его басни и загадки; последние, написанные в форме предсказаний" почти все содержат глубокий смысл, но в совершенно не остроумной форме.

Игры и забавы, которыми Леонардо занимал свою фантазию, вводили иногда в заблуждение его биографов, не понявших его характера. В „Миланских манускриптах" Леонардо заключены, например, наброски писем к „Диодарию Сирийскому, наместнику святого султана Вавилонии", в которых Леонардо представляет себя инженером, посланным в страны Востока с определенным заданием, защищается от упреков в медлительности, дает географическое описание городов и гор и, наконец, рассказывает о большом стихийном бедствии, случившемся там во время его пребывания.

Рихтер в 1881 году хотел доказать на основе этих отрывков, что Леонардо в самом деле состоял на службе у египетского султана, сочинил там эти путевые заметки и даже принял мусульманство. Но другим авторам было нетрудно разгадать в описаниях мнимого путешествия Леонардо на Восток то, чем они и были в действительности — фантазиями юного художника, которые он создавал для самого себя и в которых он, может быть, выражал свои желания повидать мир и испытать приключения.

Таким же созданием фантазии является, вероятно, и „Винчианская Академия", предположения о существовании которой основываются лишь на существовании пяти или шести очень искусно зашифрованных символов этой академии. Вазари говорит об этих рисунках, но не упоминает об академии. Мюнц, поместивший такой орнамент на обложке своего большого труда о Леонардо, принадлежит к числу немногих, верящих в реальность „Винчианской Академии".

Очень может быть, что это стремление к игре исчезло у Леонардо в более зрелом возрасте, перейдя в научную деятельность, которая была последним и высшим проявлением его личности. Но то, что оно так долго сохранилось, показывает нам, как медленно отрывается от своего детства тот, кто испытывал в детском возрасте высшее и позже уже не достижимое эротическое блаженство.